

S T U D I A P H I L O L O G I C A

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Е. А. Лютикова

ФОРМАЛЬНЫЕ
МОДЕЛИ ПАДЕЖА

Теории и приложения

Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 80/81
ББК 81
Л 96

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 16-16-00104, не подлежит продаже

Исследования, положенные в основу монографии, поддержаны проектами
РФФИ 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских
и алтайских языках» и 13-06-00884 «Исследование морфосинтаксических
параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках»

Печатается по решению Редакционно-издательского совета и постановлению
Ученого совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

д. филол. н., профессор *И. М. Кобозева*,
д. филол. н., профессор *Я. Г. Тестелец*

Лютикова Е. А.

Л 96 Формальные модели падежа: теории и приложения. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 384 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-9908826-6-9

Монография «Формальные модели падежа: теории и приложения» посвящена моделированию грамматической категории падежа в современных синтаксических теориях. Падеж рассматривается как синтаксический феномен, связанный с определенной синтаксической позицией именной группы и ее взаимодействием с синтаксическими вершинами либо другими именными группами в некоторой локальной области, релевантной для приписывания падежа.

Синтаксические теории падежа в настоящее время принимают к рассмотрению всё более широкий языковой материал. В монографии предлагается подробный критический анализ современных формальных теорий падежа и делаются попытки их применения к материалу разноструктурных языков. Методологическим новшеством работы является исследование объяснительного потенциала формальных моделей падежа применительно к различным типам падежного варьирования, регулярно отмечаемого в языках мира.

Издание предназначено для специалистов в области теории языка и типологической лингвистики, аспирантов и магистрантов, специализирующихся в области синтаксиса или лингвистической типологии, а также всех лингвистов, интересующихся формальным моделированием естественного языка.

УДК 80/81
ББК 81

*В оформлении переплета использованы работы
Э. Лисицкого «Татлин за работой» (1921–1922 гг.), «Проун 19D» (1922 г.).
Фотография автора — Т. О. Шавриной*

ISBN 978-5-9908826-6-9

© Лютикова Е. А., 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

Содержание

Предисловие	7
1. Грамматическая категория падежа	13
2. Падеж как синтаксическая категория	29
2.1. Падеж как лицензор именной группы	31
2.2. Теория падежа	37
2.2.1. А-передвижение и ЕРР	37
2.2.2. Управление	40
2.3. Унификация механизмов приписывания падежа	48
2.3.1. Легкий глагол как источник аккузатива	49
2.3.2. Приписывание падежа при согласовании	54
2.4. Падеж и интерпретация	62
2.4.1. Падежная морфология в русском языке	75
2.4.2. Накладывающиеся падежи в цахурском языке	87
3. Морфологический падеж	113
3.1. <i>Quirky</i> -падеж и <i>quirky</i> -подлежащие	115
3.2. Эргативность	127
3.3. Конфигурационные теории падежа	142
3.3.1. Теория А. Марантца	142
3.3.2. Зависимый и дефолтный падеж: новые идеи	153
3.3.3. Падеж и согласование в конфигурационных моделях	178
3.4. Падежная грамматика: взгляд изнутри русской именной группы	188
3.4.1. Генитив как структурный падеж D: за и против	189
3.4.2. Падежная грамматика несобытийных именных групп	205
3.4.3. Падежная грамматика событийных именных групп	212
4. Падежное варьирование	221
4.1. Падежное варьирование: основные контексты и лицензоры	221
4.2. Дифференцированное маркирование объекта в татарском языке	247

4.2.1. Дистрибуция аккузативных и немаркированных дополнений	249
4.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений.	255
4.2.3. Иерархическая структура именной группы	269
4.2.4. Падеж и структура именной группы	280
4.2.5. Параметризация AGREE	289
4.3. Беспадёжные именные группы в русском языке	299
4.4. Формальное моделирование падежного варьирования	312
4.4.1. Два типа структурных падежей в якутском языке	313
4.4.2. Падежное варьирование в татарском языке	323
4.4.3. Падежное варьирование и модели падежа	335
Заключение	341
Условные обозначения и сокращения	345
Литература	349
Указатель языков	381

Предисловие

Предисловия редко пишут перед тем, как начать писать книгу. Обычно — и эта книга не является исключением — предисловие оказывается последним содержательным разделом, который пишет автор, прежде чем выпустить свое произведение в мир. Теперь, когда идея реализована и замысел оформился в виде глав и разделов, тезисов и аргументов, эмпирических наблюдений и теоретических обобщений, обнаруживается, что помимо того, «что автор хотел сказать этим своим произведением», в книге с неизбежностью отражается весь научный (и ненаучный тоже!) опыт ее создателя.

Эта книга посвящена формальным подходам к падежу как синтаксической категории. Падежная проблематика была в центре моих научных интересов в последние как минимум пять лет. Работа над ней началась с совместных научных проектов с Я. Г. Тестельцом [РГНФ 12-04-00327а «Типология падежного варьирования и проблема классификации падежей» (2012–2013) и РГНФ 14-04-00589а «Синтаксис: структуры, категории, модели» (2014)] и продолжилась в рамках проектов РФФИ 13-06-00884 «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках» и 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Эта книга задумывалась как обобщение исследований синтаксиса падежа, принятых мной на материале русского языка и ряда алтайских языков. Однако сейчас, когда текст закончен, я вижу, что вложила в него существенно больше.

Я неизменно вижу фигуру моего учителя Александра Евгеньевича Кибрика за всем, что я делаю и что считаю для себя значимым. Благодаря Александру Евгеньевичу я приняла несколько очень важных решений, связанных с выбором: выбор в пользу науки, выбор в пользу синтаксиса, выбор в пользу строгих методов рассуждения и аксиоматического построения теории. Александр Евгеньевич несколько раз предлагал мне написать монографию; жаль, что я не смогла это сделать раньше.

Я вижу сильное влияние на текст этой книги опыта многих лет преподавания на отделении теоретической и прикладной лингвистики

филологического факультета МГУ. Хотя я не ставила себе специально такой цели, книга получилась не только научной, но и учебной — читатель найдет в ней довольно подробное изложение современных формальных теорий падежа, а также типологические обзоры таких феноменов, как эргативность и падежное варьирование. Мои представления о проблемной области существенно расширились благодаря подготовке совместных курсов «Русский синтаксис в генеративной грамматике» (с П. В. Гращенковым, 2010 г.) и «Падеж в русской грамматике» (с С. Г. Татевосовым, 2014 г.). Я признательна моим коллегам по кафедре ТиПЛ и слушателям моих курсов за ту научную и учебную среду, в которой только и возможна осмысленная и плодотворная исследовательская деятельность.

Я с большим удовольствием отмечаю в этой книге следы неоднократных и всегда вдохновляющих обсуждений и дискуссий с моими коллегами-синтаксистами, в первую очередь с Я. Г. Тестельцом и А. М. Перельцвайг. Яков Георгиевич научил меня очень важному — способности не только работать внутри теории, но и уметь увидеть пределы возможностей теории, «слепые пятна» формализмов, и оценивать теории не аксиологически, а гносеологически. Научное и личное общение с Асей Михайловной было и остается источником самых радостных переживаний, а ее научная работа — замечательным примером трудолюбия, строгости мысли и преданности лингвистике.

Я чрезвычайно признательна моим старшим коллегам И. М. Кобозевой и А. В. Циммерлингу за неизменную поддержку и искренний интерес к моим научным занятиям. Неоценимую помощь при подготовке книги к печати мне оказала редактор издательства Вера Столярова.

Есть еще два человека — П. В. Гращенков и С. Г. Татевосов, — чьи фамилии оказались в конце этого перечня просто потому, что должны были быть в каждом из его разделов. Мы познакомились в экспедициях А. Е. Кибрика и там вместе делали наши первые шаги в науке; мы вместе продолжали экспедиционную традицию и применяли отработанные А. Е. Кибриком методики коллективной экспедиционной работы в тюркских, уральских, иранских языках. Я счастлива, что мы являемся коллегами на кафедре ТиПЛ и имеем возможность вместе преподавать, общаться, дружить и продолжать учиться друг у друга.

В этой книге будет много ссылок на работы моих коллег. Есть, однако, и еще одна составляющая этой монографии, которую не видно по списку литературы, — это неизменные любовь и поддержка всей моей большой семьи, которые помогли мне двигаться дальше.

В завершение этого самого неформального раздела — краткий обзор содержания монографии. Изложение построено следующим образом.

Глава 1 «Грамматическая категория падежа» вводит читателя в проблематику исследования. В ней аргументируется взгляд на падеж как на синтаксическую категорию именной группы, рассматривается соотношение между падежом и управлением, вводится дихотомия структурных (грамматических) и лексических падежей, обсуждается взаимодействие грамматических и семантических факторов, влияющих на выбор падежной граммемы.

В главе 2 «Падеж как синтаксическая категория» речь идет о теории падежа генеративной грамматики — ее возникновении, логике ее развития и современных исследованиях. В разделе 2.1 рассказывается о возникновении падежного фильтра — гипотезы о падеже как лицензоре именной группы в синтаксической структуре. Благодаря этой функции падежа он становится важнейшим теоретическим понятием, а правила получения именной группой падежа рассматриваются как ядерный компонент грамматики.

В разделе 2.2 обсуждается первая формальная Теория падежа генеративной грамматики, опирающаяся на понятие управления. Управление становится одним из двух центральных межмодульных понятий теории и дает название этапу развития генеративной грамматики — Теория управления и связывания.

Раздел 2.3 рассказывает о поисках универсального механизма падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме неоднократно пересматривается механизм соотношения именной группы с ее падежным признаком, однако за этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации. Современная модель приписывания структурного падежа базируется на согласовании структурно приоритетной вершины — приписывателя падежа с ближайшей именной группой — получателем падежа.

В рамках теоретической программы минимализма впервые ставится вопрос о природе падежного признака: интерпретируем ли падеж? и если да, как его значение связано с лицензированием именных групп? Обсуждению этой проблематики посвящен раздел 2.4. В последние 10–15 лет в рамках генеративной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе. Одна из таких теорий — гипотеза о том, что падеж в действительности представляет собой некоторый «дополнительный» признак, реализуемый на именной группе в своем

согласовательном варианте. В качестве такого дополнительного признака рассматривались различные грамматические категории. Наибольший интерес представляет подход, связывающий падежные граммы с синтаксической категорией управляющих вершин. В рамках этого подхода Д. Пецеккий анализирует русскую падежную морфологию (изложение анализа и его оценка представлены в разделе 2.4.1); затем, в разделе 2.4.2, предлагается оригинальный анализ цахурской падежной грамматики в теории накладывающихся падежей.

Глава 3 «Морфологический падеж» обращается к проблематике соотношения морфологического падежа и лицензирования именных групп. В разделах 3.1 и 3.2 обсуждаются два наиболее ярких языковых феномена — так называемые странные подлежащие (*quirky subjects*) и эргативность, — которые связаны с рассогласованием между абстрактным и морфологическим падежом. Проблема *quirky*-подлежащих получила подробное рассмотрение на материале исландского языка. Выяснилось, что в структурной позиции подлежащего могут располагаться именные группы, получающие не-структурный *quirky*-падеж от проецирующей их лексической вершины. В результате связь между морфологическим и абстрактным падежом оказывается нарушена: в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии. При этом, однако, обнаруживается, что потребность именной группы в абстрактном падеже сохраняется даже при получении ею *quirky*-падежа от лексической вершины.

Важнейший вопрос для теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккумулятивных языков. В разделе 3.2 обсуждаются попытки анализа эргативных падежных систем, опирающиеся на традиционную модель падежа и рассматривающие эргатив как аналог *quirky*-падежа, приписываемый переходным глаголом.

Принципиальное решение проблемы рассогласования морфологического падежа и лицензирования именных групп предлагает конфигурационная теория падежа А. Марантца, которая отказывается от абстрактного падежа и предлагает исключительно морфологическую трактовку этой

категории (раздел 3.3). Падежное маркирование происходит в постсинтаксическом компоненте согласно иерархии реализации падежей. Наибольший интерес в теории Марантца представляют понятия «зависимого» падежа и «дефолтного» падежа, позволяющие рассматривать аккузативную и эргативную модели предложения как дополнительные. Далее в этом разделе обсуждаются попытки синтеза конфигурационного подхода к падежу и представления о падеже как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Отдельным вопросом становится устройство предикативного согласования в конфигурационной модели. Согласование обычно не является полностью независимым от падежа: имеют место падежные ограничения на согласование, так что в качестве контролера согласования доступны только именные группы в определенных падежах. Наконец, в разделе 3.4 рассмотренные модели падежа используются в анализе русского приименного генитива. Обнаруживается, что разные падежные теории предсказывают альтернативы в оформлении аргументов при номинализации, выявляемые у носителей русского языка.

В главе 4 «Падежное варьирование» испытательным полигоном для падежных теорий становится феномен дифференцированного падежного маркирования. Во вводном разделе 4.1 перечисляются основные языковые явления, подпадающие под это понятие, рассматриваются лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, обсуждаются возможные подходы к падежному варьированию, представленные в литературе. В разделе 4.2 рассматривается дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка. Аргументируется тезис о связи падежа и структурного статуса именной группы: именные группы полной структуры имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно-оформленных и беспадежных именных групп. Раздел 4.3 продолжает обсуждение беспадежных составляющих на материале русского языка. При опоре на гипотезу Л. Бэбби и Я. Г. Тестельца о специальном статусе контекстов прямого падежа удается показать, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. Наконец, в разделе 4.4 обсуждается объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей падежа.

1. Грамматическая категория падежа

Выделение падежа как отдельной морфологической категории имеет давнюю историю. Категория падежа возникает в том или ином виде во всех лингвистических традициях, имеющих дело с языками с падежным словоизменением имени, — в древнеиндийской, античной и арабской (Blake 2008). Примечательно, что критерием существования категории падежа в языке выступает морфологическое кодирование, то есть ее выражение морфологическими средствами — падежными аффиксами, изменением тона, аблаутом в корне и др. Граммемы падежа понимаются как формы слова — «прямая» форма (номинатив) и «отклоняющиеся» (ср. лат. *declinatio*, русск. калька *склонение*), «отпадающие» (ср. др.-греч. *ptosis*, лат. *casus*) формы косвенных падежей. Этот взгляд на падеж сохраняется и в современной лингвистике; ему соответствует определение падежа как морфологической категории имени.

Будучи грамматической категорией, падеж должен выражать некоторое грамматическое значение. Обычно значение категории падежа видят в выражении синтаксического отношения. Так, например, И. А. Мельчук относит падеж к категориям, оформляющим синтаксически зависимый элемент (Мельчук 1998). В определении Т. В. Булыгиной и С. А. Крылова, падеж — «...грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории (конкретный падеж)» (Булыгина, Крылов 1990).

Однако, как справедливо отмечает В. А. Плунгян, «...поскольку в нормальном случае число падежных граммем колеблется от четырех — пяти до восьми — десяти... то напрашивается естественный вывод: помимо самого факта синтаксической зависимости имени разные падежные граммемы различают *типы* этой зависимости. <...> В сущности, падеж является смешанной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее отчетливы — в зависимости от конкретной падежной граммемы и от организации падежной системы в целом» (Плунгян 2011).

Аналогичное соединение синтаксических и семантических функций категории падежа можно видеть в определении А. Киборт: «Падеж — это признак, который выражает синтаксическую и/или семантическую функцию того элемента, который является носителем конкретного значения данного признака»¹.

Видимо, самая существенная проблема, связанная с грамматикой падежа, состоит в том, что набор значений, выражаемых падежными граммемами, разнороден, в то время как в плане выражения падежные граммемы образуют парадигму. Действительно, значения падежей варьируют от семантически наполненных инструменталиса, комитатива, пространственных падежей до структурно мотивированных аккузатива или обликуса, не несущих, по-видимому, никакой информации, кроме синтаксической зависимости именной группы от синтаксической вершины определенного (аккузатив) или любого (обликвус) класса; номинатив как «падеж называния», оформляющий именную группу в независимом употреблении, очевидно, в такой системе может иметь только «отрицательное» значение. Морфологический партитив входит в состав падежной парадигмы, однако «...в целом по своей семантике партитив оказывается не падежной, а скорее количественной граммемой, выражающей противопоставления по числу и/или определенности (то, что иногда обобщенно называют квантификацией)» (Плунгян 2011). Ср. также характеристику финского партитива в (Kiparsky 1998: 265): «явно смешанная категория семантически обусловленного структурного падежа» («...apparently hybrid category of semantically conditioned structural case»). При этом граница между «семантическими» и «десемантизированными» падежами нечеткая: скажем, дательный падеж может иметь и структурные (падеж второго дополнения битранзитивных глаголов), и семантические (падеж цели, бенефактива, экспериенцера) интерпретации.

Поскольку «семантические аспекты употребления» категории падежа не могут быть четко выявлены для произвольной граммемы падежа в произвольном языке, а синтаксический статус — в широком смысле слова — именной группы в составе объемлющей синтагмы всегда коррелирует с ее падежным оформлением, естественно рассматривать падеж как в первую очередь синтаксическую категорию, которая связана с интеграцией именной группы в определенный синтаксический контекст. В таком случае наличие в языке морфологической категории падежа является лишь одним из способов выражения синтаксической категории падежа. Другими

¹ «Case is a feature that expresses a syntactic and/or semantic function of the element that carries the particular case value» (Kibort 2008).

способами выражения синтаксического падежа могут выступать, например, служебные слова (в первую очередь адлоги), порядок слов и т. п. По словам М. Батт, «языки могут кодировать это отношение либо структурно, в терминах определенных синтаксических позиций (как, например, английский язык), либо при помощи морфологических показателей»².

Приоритет синтаксического аспекта категории падежа проявляется еще и в том, что падеж определен в первую очередь не на морфологических, а на синтаксических категориях. В конкретных языках класс лексем, морфологически выражающих падежные противопоставления, может существенно варьировать. Так, в русском языке все именные категории (существительные, полные формы прилагательного, местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, числительные, полные формы причастия) способны склоняться. В татарском языке склоняются только существительные и местоимения-существительные (Татарская грамматика 1993–1995, II), ср. (1.1). В английском языке падежные формы имеют только некоторые личные местоимения. В мокшанском языке определенные («указательные») формы имени различают только три грамматических падежа (номинатив, генитив, датив), в то время как прочие формы — до 16 падежей (Феоктистов 1993). В эстонском языке показатели терминатива, эссива, абессива и комитатива могут располагаться только на вершине именной группы, в то время как модификаторы именной группы выступают в виде косвенной основы, совпадающей по форме с генитивом; остальные 10 падежей имеют экспоненты на всех именных категориях (ЕКГ 1993: 116), ср. (1.2).

(1.1) a. [безне алып кайткан]
 мы-ACC брать-CONV возвращаться-PART.PF
 бу күк алаша
 этот сивый мерин

b. [безне алып кайткан]
 мы-ACC брать-CONV возвращаться-PART.PF
 бу күк алаша-га
 этот сивый мерин-ДАТ
 ‘этот сивый мерин, забравший нас’

(1.2) a. tubli õpilane
 хороший.NOM студент.NOM
 b. tubli õpilase
 хороший.GEN студент.GEN

² «Languages may choose to encode this relationship either structurally in terms of designated positions (e. g., English) or via overt morphological markers» (Butt 2006:4).